

18+

Михаил АКИМОВ

детектив

Женщина, которая всегда
на шаг впереди

граница беззащитности

Михаил АКИМОВ

**Женщина, которая
всегда на шаг впереди**

«Издательские решения»

Акимов М.

Женщина, которая всегда на шаг впереди / М. Акимов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517102-3

К частному детективу Мэтту Харрису приходит женщина и просит выполнить поручение, с сыскной деятельностью никак не связанное: нужно всего лишь сыграть роль её мужа перед шантажистом. Харрис охотно берётся за это несложное дело. Он ещё не знает, что небольшие деньги за минутную вроде бы работу будет отрабатывать целых три дня, столкнётся с двойным убийством и выйдет на верхушку крупнейшей преступной организации города.

ISBN 978-5-00-517102-3

© Акимов М.
© Издательские решения

Женщина, которая всегда на шаг впереди

Михаил Акимов

© Михаил Акимов, 2020

ISBN 978-5-0051-7102-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Женщина, которая всегда на шаг впереди

– Я вас нанимаю, – сказала она.

– Забавно, – усмехнулся я.

Это и в самом деле было забавно. Входит в мой офис красивая незнакомая женщина лет тридцати, несколько секунд меня внимательно рассматривает, затем садится на стул для посетителей и вместо «здравствуйте» говорит, что она меня нанимает.

– Восемьсот долларов, – сказала она. – Работы на один день. Точнее, на несколько минут.

– Неплохо, – признал я и стал ждать продолжения.

Она хмыкнула.

– Вы всегда разговариваете одними наречиями? Или другие части речи вам тоже знакомы?

– Вполне возможно, – рассеянно пробормотал я, чем заставил её ещё раз усмехнуться.

– Ладно. Для того, что вам необходимо сделать, должно хватить и наречий.

Такое начало мне нравилось. И она тоже нравилась. Я перевёл взгляд на пачку сигарет, вопросительно глянул на неё и, увидев разрешающий кивок, вытащил одну и закурил.

– Это всё, что мне разрешено знать, или будут ещё какие-то сведения? – спросил я, стараясь выпускать дым в сторону от неё.

– Вы мне нужны не как частный сыщик. Ничего искать не нужно. А нужно просто исполнить роль моего мужа.

Теперь я посмотрел на неё уже более внимательно. Вообще-то, брюнетки в моём вкусе. Длинные вьющиеся волосы – ещё один плюс! Глаза большие, красивые, где-то в глубине прячутся хитринки... гм, к чему бы это? А лицо-то, между прочим, непроницаемое. Попробую-ка её расшевелить.

– О-о! – фальшиво обрадовался я. – С вашей внешностью и фигурой это не проблема! Правда, женщины мне ещё никогда не платили за то, чтобы я...

– Остыньте. Это не то, что вы якобы подумали, а на самом деле захотели преподнести пошловатую шуточку. Слушайте внимательно. Ситуация такая.

Моё имя – миссис Джон Флаерти. Я замужем четыре года. До замужества у меня были... ну, скажем так: отношения с одним человеком...

– Шантаж? – уточнил я.

– Именно. Но шантажист не он. С Генри мы расстались вполне дружески и по взаимному решению. Мы с самого начала не планировали каких-то серьёзных отношений, нам просто нравилось быть вместе. И когда всё закончилось, мы оба отнеслись к этому легко.

– Простите, миссис Флаерти... – перебил я её. – Кстати, как я могу к вам обращаться?

– Эдна.

– Эдна, я так понимаю, что некое третье лицо располагает каким-то материалом – фото, видео, аудио, – тех ваших, ещё добрых отношений?

– Да. Это видеозапись скрытой камерой из комнаты отеля, где мы с Генри однажды останавливались.

– Так и думал. Но в какой мере это может быть предметом шантажа? Ведь это было ещё до вашего замужества, когда вы были свободной женщиной.

– А вы полагаете, там внизу или сверху кадра стоит дата? Это одно. Главное совсем в другом. Вы женаты, мистер Харрис? И никогда не были? Ну, всё равно, вы ведь мужчина, вот и попробуйте представить себе мужа, который отнесётся безразлично к сцене порнографического характера с собственной женой в главной роли. Даже если она проделывала всё это хоть и с другим мужчиной, но ещё до знакомства с ним. Извращенцев мы, понятное дело, в виду не имеем.

– Вы правы, конечно, Эдна. Но, как понимаю, в роли именно такого мужа вы меня и хотите представить шантажисту? Которого из них, кстати: мне следует с горящими глазами и пританцовывая от возбуждения спросить, нет ли у него и других роликов с моей женой?

– Не будем переигрывать, мистер Харрис. Вы спокойно скажете, что жена вам всё рассказала, и вы относитесь к этому с пониманием, потому как и у вас до женитьбы были любовные связи с женщинами. После чего сухо откланиваетесь и уходите, не вступая в дальнейшие разговоры.

– И получаю за это восемьсот долларов, и дело закончено? И, что бы ни произошло после этого, меня уже не касается?

– Да.

– Простите, Эдна, я вам точно не нужен как частный детектив? Вы уверены, что всё предусмотрели? Вам не нужна моя консультация или советы?

– За отдельную плату?

– За ту же самую. Просто не люблю попадать в idiotские положения. Мне будет довольно неловко, если этот тип рассмеётся мне в лицо и скажет, что хорошо знает Джона Флаерти, и я на него совсем не похож. Меня волнует только эта ситуация; то, что он может после встречи со мной пойти и удостовериться, с тем ли он человеком разговаривал, это, как вы сказали, ваши проблемы.

Она открыла сумочку, достала какую-то фотографию и протянула мне.

– Вот, посмотрите. Это мой муж.

Я посмотрел на фото и вздрогнул. Потом-то, разглядывая внимательнее, я увидел, что это, конечно, не я. Но первое впечатление было просто ошеломляющим.

– Да, – признал я, возвращая ей фотографию, – если шантажист не знаком с вашим мужем близко, это должно сработать. Ради любопытства, Эдна, откуда вы узнали, что я так похож на вашего мужа? Мы ведь с вами раньше никогда не встречались.

– А вы точно частный сыщик, мистер Харрис? – усмехнулась она. – Вы не знаете такого простого способа? Тогда я вас научу и, следуя вашему благородному примеру, тоже бесплатно. Загрузила в Google-картинки фото мужа, нажала «Найти похожие» и уже через минуту читала вашу рекламу, которую вы же сами и разместили.

Разумеется, я знал этот способ. И не только этот. Просто не был готов, что и женщина может вот так запросто ориентироваться в Интернет-приложениях. И всё же я на этом не закончил, а стал её подробно выпрашивать, не картавит ли её муж, не прихрамывает ли, нет ли каких-либо характерных жестов или движений. Судя по её ответам, получалось, что он – абсолютно среднестатистический мужчина, безликий и типичный. Но, в общем-то, это не моя забота.

– Ну, хорошо, Эдна, – сказал я, наконец, – будем считать, что вы всё учли. И когда мы это проделываем? Впрочем, как я понял, я встречаюсь с ним один, без вас?

– Да. Он и знать не будет, что придёте вы, а не я. Пусть для него это станет сюрпризом. Пусть думает, что я ему снова заплачу, как делала это все четыре года.

– То есть, вы платили ему с самого начала замужества? Почему же сейчас решили со всем этим покончить? Он всё время повышает плату?

– И не только это. Вы правы, я бы продолжала платить и дальше, но сейчас у мужа проблемы с деньгами, и я уже не могу незаметно брать такие суммы. Это всё, мистер Харрис? Тогда до встречи через два часа в кафе на углу Оук и Мэйн-стрит. Его дом совсем рядом.

Она встала и пошла к выходу.

– А кто же он, этот шантажист? – спросил я в спину ей. – Какой-то служащий отеля?

– Коридорный, – ответила она не оборачиваясь, открыла дверь и вышла.

После её ухода... м-м... как это пишут в романах? а, вот: «в комнате ещё долгое время витал запах дорогих изысканных духов».

– Она нас дурачила, – сказал я своему другу и напарнику китайчонку Ли. – Понимаешь, дурачила. Нет, внешне-то всё вроде бы логично и правильно. Но вот интуитивно чувствую, что здесь что-то не так. Уж слишком она была спокойна. Не волновалась, не переживала – словно не жизненную ситуацию, а шахматную задачу решала, и поэтому результат не так уж важен. Ты со мной согласен?

Ли закивал. Он всегда так делает, достаточно лишь слегка тронуть его за голову и качнуть. Ведь Ли – это китайский болванчик, статуэтка на моём столе. Но надо же мне с кем-то советоваться, рассуждать?

Теперь уже мне всё это не нравилось: похоже, меня собираются использовать в каких-то неясных для меня целях. Даже мелькнула мысль: а не отказаться ли? Престижу своему никакого урона не нанесу, ведь это работа не по прямой моей специальности. Но вовремя вспомнилось про 800 долларов и про то, что через неделю вносить плату за аренду помещения. Значит, вариантов нет. Нужно просто внимательно следить за ситуацией, чтобы не подставиться. К тому же, очень может быть, что я излишне мнителен и что-то себе вообразил абсолютно зря.

Последнее я думаю, сидя в кафе со своей клиенткой. Произошёл обратный отлив, и теперь вижу, что она не просто волнуется, а прямо-таки в смятении. Причём, настолько же выходящем за рамки, как её предыдущее спокойствие. До встречи с шантажистом ещё двадцать минут, мы сидим и болтаем о всякой ерунде. Точнее, болтаю я, а она делает вид, что слушает и иногда даже говорит сама что-нибудь, но всегда невпопад.

В половине четвёртого я ей говорю:

– Ну, так что, я пошёл?

– Нет, – быстро говорит она, что-то мучительно обдумывает, потом с какой-то неестественной улыбкой добавляет:

– Он должен позвонить мне и сказать, что можно приходить, – и снова уплывает от меня куда-то далеко.

Теперь уже я не собираюсь о чём-то разговаривать, и мы сидим в абсолютном молчании, которое прерывает звонок её мобильного. Она поспешно – слишком поспешно! – выдёргивает его из сумочки.

– Да! – нервно кричит она в трубку и тут же радостно вспыхивает, бросает взгляд на меня и продолжает уже ровным тоном:

– Хорошо, я сейчас буду.

И прячет телефон в сумочку, но достаёт оттуда конверт.

– Теперь можно идти. Вот ваши деньги, мистер Харрис, мы, вероятно, с вами больше не увидимся. Надеюсь, у вас всё получится. Видите тот синий дом? Второй этаж, четвёртая квартира. Дверь будет не заперта, чтобы можно было быстро войти и не привлечь внимания соседей. Я на этом настояла ещё перед самым первым разом.

Я беру конверт, бросаю внутрь короткий взгляд, прячу его в карман, киваю ей на прощанье, затем перехожу улицу и иду к дому.

Четвёртая квартира справа по лестнице. Я толкаю дверь и вхожу. Сразу чувствую сильный запах, похожий на запах горелой бумаги или чего-то подобного. Прикидываю, не так ли пахнет сожжённый диск из видеокамеры и усмехаюсь: он что, уже понял, что шантажу конец и сам его спалил?

Меня никто не встречает.

Чёрт, она же мне не сказала, как его зовут! И как тогда его окликнуть?

– Есть здесь кто? – вопрошаю я, представляя, какой страх нагонит на хозяина квартиры мужской голос.

Но мне никто не отвечает. Неужто так перепугался, что затаился и молчит? Ну, молчи, не молчи, а разговор начинать надо. Я решительно распахиваю ближнюю к себе дверь и вхожу в комнату.

Сразу понимаю, что никакого разговора не состоится, потому что прямо за дверью, ногами к ней и лицом вниз лежит тело мужчины в домашнем халате и тапочках, под ним лужа крови, а в шею всажен здоровенный нож. Вряд ли он сделал это сам с перепугу от того, что вместо женского голоса услышал мужской, значит, его убили. Не просто недавно, а буквально только что, потому что кровь ещё не запеклась и продолжает капать, стекая ленточкой от лезвия ножа. Я не озираюсь по сторонам и не выхватываю пистолет. И не только потому, что сейчас его со мной нет, но и потому, что искать убийцу в квартире просто нелепо: позвонив миссис Флаерти, что дело сделано, он тут же ушёл. Мне до деталей становится понятен её злодейский план (жаль, что это не случилось пару минут назад), и я хорошо представляю, что будет дальше.

Раздавшийся тут же вой сирены и визг тормозов полицейского фургона подтверждают, что ситуацией я владею и анализирую её неплохо. Обидно только, что пользы от этого никакой.

Я выхожу в коридор, чтобы встретить гостей, раз уж хозяин квартиры сделать это не в состоянии. С лестницы доносится слоновье топанье, и через полминуты в квартиру вваливается знакомый мне лейтенант Барри Вильямс, за ним двумя Джомолунгмами возвышаются копы званием пониже, но с такими же неприятными лицами.

– Харрис? – удивляется Вильямс. – Что ты тут делаешь?

– Выполнял поручение клиента, – хмуро говорю я, с тоской представляя, что сейчас начнётся.

Не обращая больше на меня внимания, Вильямс протискивается в комнату, присвистывает, садится на корточки возле тела, осторожно трогает его, осматривает, затем поднимается и выходит в коридор.

– Ну, я смотрю, выполнил ты его неплохо. Твой клиент может быть доволен. Сержант, наручники! Удивил ты меня, Харрис, – продолжает он, пока один из верзил застёгивает на мне браслеты, – вот уж никак бы не подумал, что ты на это способен. Тайком забраться в чужую квартиру в поисках доказательств – да, такое за тобой всегда водилось. Но убийство!

Он помотал головой.

– Труп я обнаружил, войдя в квартиру. У меня было совсем другое поручение, – говорю я, хорошо понимая, как неубедительно звучат мои слова.

– Ага, – проницательно замечает Вильямс, – значит, будешь врать и изворачиваться. Думаю, в отделении тебе это делать будет удобнее. Там у нас, знаешь ли, решёточки на окнах! Очень вдохновляют. Глянешь на них – и всякие сказочки прямо-таки сами собой сказываться начинают!

И кивает копам:

– В машину его!

Я думал, что в отделении Вильямс сразу же начнёт меня допрашивать, но я его даже не вижу. У меня изымают всё содержимое карманов и запирают в камеру с какими-то двумя типами, судя по внешнему виду, обычными бродягами. Я не обращаю на них внимания и сажусь на скамью, но один из них ко мне подходит.

– За что тебя, друг? – вроде бы даже участливо спрашивает он.

– Не в том месте улицу перешёл, – хмуро отвечаю я, давая понять, что к разговорам не расположен.

Он усмехается:

– Серьёзное дело. Лет десять тебе впаяют, не меньше!

Но отходит и больше не пристаёт. Второй вообще не говорит мне ни слова, они продолжают о чём-то разговаривать; я, естественно, не слушаю. Не до того мне. Да и не надо.

То, что Вильямс по горячим следам не стал вызывать меня на допрос, понятно: они сейчас обшаривают квартиру, беседуют с соседями и прочее. Чтобы сразу же утопить меня в возможных доказательствах. Не сомневаюсь, что очаровательная Эдна (или как её там на самом деле?) со своим блестящим аналитическим умом заготовила для меня немало сюрпризов.

Бесполезно даже гадать, что это будет, поэтому я начинаю прикидывать, какие обстоятельства могут быть за меня.

Во-первых, мотив убийства, точнее, его полное отсутствие. Полагаю, не удастся доказать, что я – маниакальный псих, который убил незнакомого человека просто потому, что внезапно захотел это сделать. Не могу я быть и киллером: восемьсот долларов, которые были при мне, ну никак не тянут на плату за убийство.

Во-вторых, у них нет и не будет никаких прямых улик против меня. Тело я не трогал, к ножу не прикасался... Конечно, есть вариант, что я тщательно стёр с него отпечатки пальцев, но чем? и куда эта тряпочка делась? И если даже такая в квартире обнаружится, то на ней не будет моих следов.

На допрос меня вызывают только через пару часов. Судя по довольному виду Вильямса, чего-то они, безусловно, нарыли.

– Чем займёшься, Харрис? – спрашивает Вильямс. – Заставишь меня писать протокол или сам напишешь признательные показания?

– Дай закурить, – прошу я.

– Да для тебя всё, что угодно! Мы всем отделом тебя просто обожаем! Такое в нашей работе редко случается: не надо землю рыть в поисках убийцы; вот он, родненький, прямо возле тела убитого и с кучей доказательств против себя! Спасибо тебе, Харрис, и вот сигарета: заслужил, держи!

Он вставляет мне в рот сигарету и даёт прикурить. Не скажу, что в наручниках курить очень комфортно, но можно.

– Запускай Word, – говорю ему, – протокол писать тебе всё же придётся.

– Да ладно, – добродушно машет он рукой, – подумаешь – протокол! В конце концов, у тебя как преступника оказалась масса других достоинств. С чего начнём?

Я в деталях пересказываю ему все события в моём офисе, кафе и квартире убитого, ничего не пропуская. Даже того, что с самого начала поведение клиентки показалось мне странным. Умолчал только о том, что своими сомнениями поделился с Ли: его-то зачем сюда впускать?

– Всё? – спрашивает Вильямс.

– Всё, – подтверждаю я. – Так что можешь начинать топить меня доказательствами, которых, уверен, изобретательная миссис лже-Флаерти в квартире заготовила немало.

– Успеется, – говорит он. – Для начала порассуждай – а я послушаю, – о том, что у нас может против тебя не слепиться. Ты же детектив, Харрис – вот и карты тебе в руки.

– На ноже нет моих отпечатков.

– Ты их стёр.

– Для этого нужна какая-то тряпка. При мне её не обнаружили, а времени и возможности её выкинуть у меня не было. Если она в квартире, то опять же на ней могут быть пятна крови с ножа и прочее, но только не мои следы.

– Ты её сжёг, – говорит Вильямс, и я вспоминаю запах чего-то горелого. – Сгорела она не полностью, так что эксперты без труда обнаружат те самые пятна, о которых ты говорил.

– Но без моих следов. Значит, улики косвенные.

– Допустим, что так. Но ты ведь знаешь, что такое совокупность улик. Тебя застали в квартире возле трупа, ну и всё такое прочее.

– Ладно. Оставим тряпку. Я не мог его убить, стоя возле двери. А дальше в комнате следов от моих ног нет.

– Пол помыт. Ты помыл его, а потом снова вошёл, чтобы следы были только возле двери. Действительно, вспоминаю я, пол был влажный.

– Ну, хорошо. Даже не буду рассуждать о том, почему это я стал мыть пол вместо того, чтобы просто скрыться. Потому что есть более важный момент: у меня не было мотива для убийства.

Вильямс присвистнул.

– Целых два. Ты сам-то сейчас понял, что сказал? У тебя не было мотива для убийства Бернардо Дзанутти?

Я похолодел.

– Так это он?

– А ты, надо думать, этого не знал.

Я покачал головой.

– Откуда бы? Ты же видел: он лежал вниз лицом. А я к нему даже не прикасался. Да-а... Тогда моё дело действительно плохо... А второй? Ты сказал, что их два.

Вильямс открыл папку, лежавшую перед ним, и достал оттуда конверт.

– Узнаёшь?

– Ну да, этот конверт она дала мне в кафе, в нём 800 долларов. А что, на рынке цен за убийство резкое падение?

– Это не он. Это его брат-близнец. Мы нашли его в твоём офисе на столе между бумагами. В нём чек на 15 тысяч. Это, конечно, ниже официального курса оплаты заказного убийства, но вкупе с тем, что у тебя самого были причины... Ну, ты понимаешь.

Я снова качаю головой.

– Гениально. Как она это сумела? Я же с неё, по-моему, глаз не сводил. Хотя... она могла, пожалуй, это сделать, когда я рассматривал фотографию.

Развожу руками, насколько это позволяют наручники и говорю:

– Похоже, шансов выпутаться у меня действительно маловато. Но признание писать всё равно не буду. Из принципа. Сами доказывайте.

– Докажем, – говорит Вильямс, но в голосе его я слышу какие-то странные нотки, которые снова вселяют в меня надежду.

– Слушай, лейтенант, – говорю я, в упор глядя на него, – а ведь есть что-то такое, что тебе не нравится!

Некоторое время он сидит, глядя на стол, затем поднимает на меня взгляд.

– Есть. Попробуй угадать, что.

– Да легко. За всю карьеру полицейского ты ни разу не приезжал на убийство так, чтобы у трупа ещё кровь не запеклась. А приехали вы так оперативно потому, что в полицию позвонила женщина и взволнованным голосом сказала, что живёт в том самом доме в... – я прикидываю, – во второй квартире. И только что слышала, что в квартире наверху был страшный шум борьбы и упало что-то тяжёлое. Потом, когда вы стали её опрашивать, она сказала, что в полицию не звонила. Всё угадал?

– Почти. Звонил мужчина. Но ведь ты понимаешь, что это слабый аргумент. Люди зачастую не хотят связываться с полицией, чтобы не иметь лишних хлопот. Он мог позвонить нам, а потом от всего откреститься.

Я смотрю на него, соображая. Он несколько раз притаскивал меня в этот участок по подозрению в проникновении в чужие квартиры, офисы, похищении данных с компьютеров и ещё во многом другом, что иной раз приходится делать частному сыщику в интересах клиента, но ни разу не смог ничего доказать: работал я чисто и следов не оставлял. Отношения между нами сложились неприязненные, но, тем не менее, у меня было впечатление, что человек он порядочный. А теперь на это все мои надежды.

– Слушай, лейтенант, – говорю я, – ты можешь мне ответить на один вопрос? Я понимаю, что у тебя на руках практически раскрытое убийство. Это очень удобно и приятно. И соблазнительно. А мою версию ты проверять будешь?

Некоторое время он молчит, потом достаёт из пачки две сигареты, одну суёт мне, вторую закуривает сам.

– Знаешь, – говорит он, откидываясь в кресле, – за что я не люблю вас, частных сыскарей? Вы легко нарушаете закон – это раз. Второе: вы считаете, что полицейские – это ленивые и продажные люди, которые только мешают вам, героям-одиночкам, защищать интересы граждан. В-третьих, вы можете избить человека до полусмерти, как ты сделал это с Дзанутти, вместо того, чтобы передать его в руки правосудия, снабдив необходимыми уликами.

– Ну уж, до полусмерти! – возражаю я. – Просто набил рожу...

– В-четвёртых, – продолжает он, не обращая внимания на мою реплику, – встречаясь с людьми, подобными Дзанутти, я, может, и сам иногда вам завидую, что не могу сделать то же самое!

– То есть, – уточняю я, – мою версию ты всё-таки проверять будешь?

Он тушит в пепельнице недокуренную сигарету, смотрит мне в лицо и говорит:

– Буду.

Кстати, лицо у него не такое уж и неприятное.

– Буду, – повторяет он, – потому что есть ещё одна деталь, о которой ты не знаешь. Смотри, – он достаёт из конверта с чеком плотную стереооткрытку с каким-то лесным пейзажем. – Соображаешь?

Я киваю.

– Конверт, вероятно, обнаружили среди папок. Чтобы его туда засунуть, пришлось бы приподнять верхние папки; такое я, конечно бы, заметил. А открытка придала конверту необходимую жёсткость, и он вошёл туда, как нож в масло.

– Всегда они на этом ловятся, – говорит Вильямс. – Как только начинают подбрасывать улики, обязательно переусердствуют. Вот чем их не устраивала версия, что ты прикончил Дзанутти на почве личных неприязненных отношений, как пишется в протоколе? Нет, решили ещё чек подбросить. Ладно, давай дальше. Ты ведь наверняка уже всё обдумывал. Идеи есть?

– Была одна. Фотография. Раз я похож на её мужа, значит, и он на меня тоже. Но теперь думаю, что это липа, а на фотографии был случайный человек.

– Всё равно проверим на всякий случай. Хотя думаю так же. Больше ничего?

– Есть мысль. Раз они переусердствовали с уликами, значит, не очень уверены, что им удалось меня подставить. Ты ведь вызвал меня на допрос сразу же, как приехал? – увидев его утвердительный кивок, я смотрю на настенные часы. – То есть, прошло ещё менее часа.

– Ага... Ты думаешь, что они откуда-то наблюдают, отпустим мы тебя или нет... Откуда это удобнее всего сделать?

– Кафе «Эсмеральда», – я ещё раз смотрю на часы. – В это время там достаточно много народу, а ваша дверь, как на ладони.

– Логично. Ты в Faces 4.0 работаешь? Вот и отлично. Садись на моё место и составь её фоторобот. А я сейчас всё организую. Паркер, сними с него наручники!

Программу я знаю хорошо, поэтому через семь минут фоторобот готов. Как раз подходит и Вильямс, я уступаю ему его законное место. Он протягивает мне бумагу:

– Подписка о невыезде, распишись. Все официальные вопросы улажены. Остался только один момент. Роджерс, иди сюда! – кричит он куда-то в дальний угол кабинета.

К нам подходит совсем молоденький парнишка-полицейский.

– Пива хочешь? – спрашивает его Вильямс.

Тот ухмыляется:

– Угощаете?

– Почти. Переоденься в штатское: сейчас пойдёшь в кафе «Эсмеральда», вот там и попьёшь. Через, – он прикидывает, – десять-пятнадцать минут из отделения выйдет мистер Харрис. Мы полагаем, что кого-то из посетителей кафе это очень взволнует. Это может быть либо мужчина, либо вот эта женщина, – он кивает на экран монитора. – Пока ещё мы им ничего предъявить не можем, поэтому их необходимо выследить и установить личность. Позвони своему другу... ну, этому бездельнику, у которого мотоцикл... Может понадобится: вдруг они на машине?

Роджерс обрадованно кивает – это же намного интереснее, чем сидеть над какими-то бумагами! – и почти выбегает из кабинета, на ходу вытаскивая мобильник.

После его ухода мы с Вильямсом пытаемся построить версию событий. Отталкиваемся, естественно, от личности Дзанутти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.